

Их подвиг бессмертен

Иван Зурлов. Они были не одни.
Авторизованный перевод с болгарского
В. Легентова. Москва, Воениздат, 1961.
304 стр.

Каждая честная, хорошая книга о минувшей войне напоминает: да, все это было, вот какой дорогой ценой куплена победа над силами мрака, фашизма, но еще дороже придется заплатить человечеству в нынешний, атомный век, если не восторжествует разум.

Воспоминания бывшего комиссара партизанского отряда Ивана Зурлова — это книга о коммунистическом подполье и его борьбе в Видинском крае, о подъеме народного движения в Болгарии против фашистов, «своих» и немецких, о счастье встречи с Советской Армией, с долгожданной свободой. Это книга о судьбах, о делах людей, чьи имена сегодня названы в Болгарии колхозы и новостройки.

Неимоверные страдания выпали на долю тех, кто первыми вступили в открытую вооруженную схватку с жестоким режимом болгарского царя, опиравшегося на немецкий фашизм. Этими первыми были, конечно, коммунисты. Трудность заключалась не только в том, что военное преимущество долгое время было на стороне противника, но прежде всего в том, что жестокими репрессиями, а где и демагогией, используя темноту людей, власти старались заставить крестьян помогать им.

Но коммунист знал: эти люди — завтрашние союзники, завтрашние партизаны. Дело лишь во времени. Ведь борьба — не на жизнь, а на смерть — ведется во имя их же счастья.

Автор книги хорошо чувствует степень правоты и неправоты тех, о ком пишет. И партизаны и те, среди кого они действуют, — живые люди. В глубоком понимании не только целей борьбы, но и поступков каждого человека в отдельности глав-

ная привлекательность и произведение Ивана Зурлова и самого образа повествователя комиссара Славчо — Зурлова.

«Вспоминал холодные подвалы, пыльные чердаки, затемненные комнаты, где нам приходилось скрываться. И, что греха таить, расширенные от страха глаза женщин, боявшихся за своих детей, за свои дома.

Справедливость требует признать, что это были неплохие женщины, и к партизанам они относились с большим сочувствием, уважением и даже материнской заботой. Часто хозяйки брали займы муки, чтобы испечь для партизан хороший хлеб, а сами с детьми ели круглый год одну кукурузу. Рискуя жизнью, они носили нам в лес продовольствие.

Но, когда мы приходили к ним в дом, женщины боялись.

— Сожгут дом — детей не успеем спасти, — тихо плакали они ночами, упрекая своих мужей.

А нам оставалось молчать. Сидишь, бывало, в комнате и как будто ничего не слышишь и не видишь. Другого выхода не было».

С большой любовью пишет автор — комиссар — о своих боевых друзьях, героически погибавших в неравной борьбе. Пожалуй, самые волнующие страницы книги — о гибели отряда. Один за одним уходят из жизни партизаны, и в этот момент еще ярче вспыхивает человеческая красота каждого из них. Вот Стоянчо — горячий, неуравновешенный Стоянчо. Он погиб в момент, когда враг преследовал окруженных партизан:

«...Упал смертельно раненный Стоянчо.

— Лазар, возьми карабин, добей меня! — едва слышно позвал он товарища... — Стреляй! — настаивал он.

Рука Лазара затряслась, на глаза навернулись слезы. Но он должен был выполнить суровый партизанский долг. Не мог же он оставить Стоянчо врагу!..

Как выстрелил карабин, Лазар не помнил... Первым он догнал Крыстю. Лазар виновато взглянул в его синие глаза. Крыстю понимал состояние товарища. Он хотел что-то сказать, но слова застыли на губах — его настигла шальная пуля.

Схватившись рукой за рану, он крикнул:

— Убейте меня или дайте оружие — я сам покончу с собой!

Лазар бросился поднимать его, но Крыстю уже был мертв.

Рассказывая позже о смерти Крыстю, Веселин несколько раз повторил его последние слова: «Убейте меня или дайте оружие — я сам покончу с собой!»

— Откуда взялись силы у этого ребенка?.. Ну Стоянчо понятно — рабочий, долгие годы боролся, много испытал, достаточно поварился в котле жизни! А Крыстю? Ребенок! К тому же — единственный у родителей...»

И когда приходит победа, когда, узнав о приближении долгожданной Советской Армии, народ, поднятый коммунистами на восстание, берет власть, мы вместе с автором вспоминаем всех их, отдавших жизнь, но,

благодаря книге Ивана Зурлова, ставших для нас живыми: Крыстю, Маузера, Стоянчо, Димо...

Читая книгу Ивана Зурлова, испытываешь совершенно то же чувство, которое охватывает советского человека, когда он приезжает в Болгарию. Самое сильное и волнующее ощущение: тут все знакомо, близко тебе, все родное, и ты, русский, советский, тут близок всем.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, говорит автор, «все были потрясены, будто только теперь, а не два года назад началась мировая война». Болгарские монархисты и фашисты так и не осмелились объявить войну Советской России. Они были вынуждены считаться с историей, с традиционными чувствами болгарского народа.

Это чувство братской любви к нашей стране звучит во многих живых эпизодах и деталях книги. Вот один пример.

«Как обычно, быстрый и энергичный, с тросточкой,

которую он никогда не выпускал из рук, Но жаров шел по главной улице к себе на работу. Завидев высокую фигуру адвоката, кто-то из односельчан язвительно крикнул:

— Эй, бай Крыстю, похоже, что твоим русским придется чистить лошадей у немецких офицеров!..

— Никогда этому не быть! Не будут русские чистить немецких лошадей! — уверенно возразил старик. — А вот немцы русскую землю унавозят! Это должно быть ясно, как божий день, всякому, кто знает матушку Россию...»

Все в наше время большое: скорости, достижения, надежды, тревоги... Память народов о вчерашнем дне, о героической борьбе против коричневой чумы XX века — фашизма сегодня мешает тем, кто хотел бы развязать новую войну. Вот почему так нужны книги, правдиво свидетельствующие о дне вчерашнем.

Александр Адамович

Грустные свидетельства

Р. Юнг. Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках. Сокращенный перевод с английского и предисловие В. Н. Дурнева. Москва, Атомиздат, 1960. 280 стр

Время, когда ученые казались чужаками и монстрами, прошло. Новое отношение к ним возникло в разных странах по-разному. В Соединенных Штатах, например, один физик выразился об этом так:

«До войны нас считали за людей, далеких от мира сего. Но теперь на нас смотрят, как на непререкаемые авторитеты во всех областях — от нейлоновых чулок до самых совершенных форм международной организации».

По-видимому, горечь этого высказывания происходит от сознания причин такой перемены: чудовишных бедствий, принесенных взрывами атомных бомб в Японии.

Только Хиросима и Нагасаки заставили обывателей увидеть в ученых не чудачков, надевающих правый ботинок на левую ногу, а людей серьезных, с которыми следует считаться. Это чего-нибудь да стоит...

Цитированное высказывание ученого приведено в книге американского писателя Р. Юнга «Ярче тысячи солнц». Это одна из самых страшных книг, какие довелось прочесть за последние годы. Там нет убийств, если не считать упоминания о Хиросиме и Нагасаки, там нет детективных ужасов, там нет трагической любви... Но там повествуется о вещах не менее мрачных.

Капиталистические власти при помощи без-

душных чудовищ, состоящих у них в услужении, превращают людей в организаторов убийств и в предателей. Кто эти превращаемые люди? Это люди, одаренные гениальным умом, поставившие целью своей жизни раскрытие законов природы и самоотверженно, не жалея сил, работающие для высокого дела. Они не интересуются ни карьерой, ни славой, ни благополучием, в их братстве «несть ни эллина, ни иудея» — все равны, если они преданы науке. Но оказывается, что именно эти люди могут быть использованы для изготовления самого чудовищного и самого гнусного оружия убийства, какое когда-либо создавалось на земле.

И вот начинается препарирование ученых, их вивисекция, перед которой опыты уэллсовского доктора Моро — ничто. Властители делают их на семитов и арийцев. Первые бегут, потому что им грозит смерть. Вторые остаются, раздираемые угрызениями совести, отвращением, стыдом... Они, как повествует Р. Юнг, начинают действовать нелепым для ученого способом: стараются не открыть чего-либо, что могло бы способствовать созданию атомной бомбы. Они поставлены в те же условия, в какие Павлов ставил своих собак, когда ему надо было вызвать признаки неврастения: противоположные мотивы сшибаются в их сознании, цели нарочно не осуществляются. Начальниками над учеными поставлены тупицы, для которых наука с детских лет — только причина неприятностей.

Властители другой страны перехватывают тех, кто бегут от фашизма. Одного из замечательнейших физиков мира Нильса Бора они грузят как сверхсекретный материал в бомбовый отсек самолета. «Достаточно было одного поворота рукоятки, чтобы он был сброшен в море. В случае немецкой атаки так немедленно и было бы сделано».

В Америке их помещают в условия казарменного ре-